

«Историей управлять нельзя»*

Создание Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России при Президенте РФ продолжает оставаться одной из самых горячих, будоражащих общественное сознание и вызывающих полярные оценки тем. Одни комментаторы видят в появлении этой общественной структуры на политическом ландшафте признаки борьбы с инакомыслием и введения цензуры. Другие — намерение обозначить жесткую государственную позицию в отношении ключевых событий истории Отечества, подвергаемых искажениям в политических целях, и стремление эту позицию отстаивать. Новый общественный орган создан более месяца назад, но, как ни парадоксально, ни один член комиссии за это время не дал развернутого комментария о ее функциях, задачах и полномочиях. Затянувшееся молчание лишь усиливает напряжение и порождает все новые вопросы. С этими вопросами к члену комиссии, постоянному автору нашей газеты, начальнику управления регистрации и архивных фондов ФСБ России, генерал-лейтенанту, доктору юридических наук Василию ХРИСТОФОРОВУ обратилась обозреватель «Времени новостей».

— Василий Степанович, насколько создание комиссии по борьбе с фальсификациями истории в ущерб интересам России созвучно веяниям сегодняшнего дня, как социально-политическим, так и сугубо историческим?

— Во-первых, о терминах: в названии комиссии нет слова «борьба», а есть слово «противодействие». Это принципиально. Борьба вызывает ассоциации с чем-то уж очень агрессивным. Ничем подобным комиссия заниматься не собирается. Идеальное состояние, если комиссии будет нечего делать. Нет фаль-

сификации — нечему противодействовать. Думаю, вы не будете спорить, что фальсификация истории представляет реальную и серьезную угрозу будущему любой страны. Это лишает народ его уникального, подчас трагического прошлого, вызывает трения и конфликты в отношениях с соседними народами, подрывает уважение за рубежом. Долгое время многие факты нашей истории были неизвестны, поэтому сейчас «обиженные» страны позволяют себе обвинять Россию во всех бедах, случившихся с ними в советский период, трактуют документы в удобном для них виде. Так, начиная с 1990-х годов страны Балтии ведут подсчеты убытков от «советской оккупации», Украина популяризирует нацистских преступников, обвиняет Россию в геноциде и т.д.

Известно, что в некоторых бывших советских республиках заново переписывают учебники истории, создают мифы и легенды, представляющие Россию в черном цвете.

Конечно, сейчас фальсификаторы не несут должной ответственности за то, что делают. Да и мы сами еще не научились громко и серьезно отвечать на ложь, которую бросают нам в лицо. Долгое время мы считали бывшие союзные республики и бывшие социалистические государства братскими и поэтому не ожидали клеветы и обвинений в свой адрес от, так сказать, родных людей. Тем не менее сейчас мы видим, что их представления о действиях России сильно отличаются от реальных фактов. Настало время твердо заявить о нашей позиции. Тем более что в наших руках исторические документы — источник, с которым не поспоришь.

В первый же момент после сообщения о создании новой комиссии появилось множество критических откликов. В правозащитном обществе «Мемориал», с которым нас связывает многолетнее сотрудничество по исследованию истории политических репрессий, высказали явное опасение, что

* Интервью В. С. Христофорова журналу «Время новостей» № 118, 07 июля 2009 г.

комиссия будет противодействовать не фальсификациям исторических фактов, а мнениям, оценкам и концепциям; разумеется, лишь тем из них, которые идут вразрез с правительственной политикой. Звучали и еще более резкие заявления — что комиссия, вопреки своему названию, будет заниматься именно фальсификацией истории.

Действительно, не так просто определить, что нужно рассматривать как злостное и намеренное искажение истории, а что является предметом научной дискуссии. Но ясно одно: вопросы, связанные со спорными моментами или ставшие предметом дискуссии, не должны быть основанием для борьбы с инакомыслием. Уверен, что это не только моя личная позиция. Несомненно, вновь созданная комиссия имеет право на существование как общественный орган рекомендательного характера.

— «Фальсификация» — термин юридический. Каким образом члены комиссии, среди которых историки и юристы составляют меньшинство, будут квалифицировать те или иные издания, программы, посвященные исторической проблематике? Как определить, что является фальсификацией, что авторской трактовкой, что искренним заблуждением?

— Если мы возьмем Уголовный кодекс, то в нескольких статьях увидим термин «фальсификация». Но «фальсификация» — термин и междисциплинарный: он встречается и в философии, и в истории. Фальсификация — умышленное искажение, попытка выдать, так сказать, черное за белое. Никто не собирается признавать фальсификацией наличие различных точек зрения. Комиссия займется рассмотрением тех сюжетов, в которых будет иметь место подделка фактов или документов, стремление выдать желаемое за действительное.

Важно отметить, что если члены комиссии сочтут, что их компетентности не хватает, они вправе привлекать профессиональных специалистов по той или иной тематике.

— Комиссия создана, как видно из ее состава, по ведомственному принципу. И это беспокоит профессионалов-историков. Почему именно этим людям дано право решать, что является фальсификацией, а что нет?

— Каждый член комиссии не может, не должен претендовать на истину в последней инстанции. Он, как и любой человек, может ошибаться. Любая структура в принципе может вызывать нарекания с какой-либо стороны: угодить всем невозможно. И не нужно. Комиссия — общественный орган, он де-юре имеет только рекомендательные полномочия.

— А де-факто будет ли создание комиссии, учитывая наш прежний историко-политический опыт, стиму-

лировать историческую дискуссию или, напротив, будет ее глушить?

— А вы как себе представляете, идет «круглый стол», конференция, и сидит «надзиратель» — член комиссии, который говорит: «Нет, это мы не обсуждаем, этот вопрос не рассматриваем»? Или каждая тема обсуждения будет проходить некое утверждение? Это сегодня невозможно даже представить.

— Почему же невозможно, некоторые уже даже представили. В отдельных регионах, например, отказались от идеи проведения «круглых столов» или конференций по острым темам — о Зимней войне, начале Второй мировой войны, предвоенных советско-прибалтийских отношениях. Некоторые издательства всерьез задумались, стоит ли принимать к публикации исследования и монографии на болезненные историко-политические темы.

— Мне кажется, это проявление синдрома нашей генной исторической памяти. Если действовать по принципу чеховского героя «как бы чего не вышло», то можно и до абсурда дойти. Если вы готовите серьезную конференцию или «круглый стол», вам нечего беспокоиться, но если вы и ваши коллеги недобросовестны и готовы пойти на фальсификацию, то опасаться нужно в любом случае. Все остальное — ненужная перестраховка.

— На недавней конференции, посвященной истории спецслужб, проходившей в Музее политической истории России, вы делали доклад о юридическом обеспечении высылки инакомыслящей интеллигенции в 20-е годы. И упомянули, что в соответствующих документах либо было много диспозиций, но не было санкций, либо наоборот. Это приводило к произволу. В положении о работе комиссии много деклараций, но мало дефиниций. История повторяется — трагедия уже была, нас ждет фарс?

— Положение — это свод правил, и здесь не может быть ни деклараций, ни дефиниций. Если комиссии удастся скоординировать деятельность различных государственных учреждений, научных институтов и общественных организаций и направить ее на серьезные исторические исследования, то в этом и будет самое лучшее противодействие попыткам фальсификации истории. Я думаю, нас ждет интересная работа.

— Комиссия, как вы упомянули, будет привлекать экспертов. Так вот, эксперты-добровольцы уже нашлись. В 20-х числах июня руководители научных учреждений отделения историко-филологических наук РАН получили прелюбопытнейшее распоряжение. «Представить в отделение информацию: 1. Аннотированный перечень историко-культурных фальсификаций в областях, соответствующих

основным направлениям института (с указанием основных источников, авторов, формирующих и распространяющих фальсификацию; потенциальную опасность данной фальсификации интересам России; предварительных предложений по мерам научного опровержения фальсификации). 2. Информацию о деятельности ученых Вашего института по разоблачению фальсификаций и историко-культурных концепций, наносящих ущерб интересам России. 3. Контактное лицо или список научных сотрудников для участия в работе Комиссии ОИФН РАН по анализу историко-культурных фальсификаций, наносящих ущерб интересам России (с телефонами и электронным адресом)». Соответствующие списки нужно было представить к 1 июля. Это письмо — инициатива руководства Академии наук или следствие рекомендации комиссии?

— Вот уж кто-кто, а комиссия тут точно ни при чем. На мой взгляд, это обычный бюрократический прием: разослать формальную бумагу, получить такие же ответы, чтобы было чем отчитаться о якобы проделанной работе.

— Но вам не кажется, что наличие такого указания от Академии наук — это импульс заняться профессиональным доносительством?

— Да, может быть, вы правы, есть такая опасность. Генная память — штука сильная. Я опасаясь, чтоб не получилось как в 1930-е годы: будут друг друга обвинять, пользуясь моментом. Найдутся карьеристы, которые постараются таким путем обойти «конкурентов», будут просто завистники или чересчур бдительные товарищи. Но такого рода, как вы выразились, доносы, я уверен, предметом рассмотрения комиссии не станут.

— Доносы ведь не только писали, их в 1930-е годы рассматривали и делали выводы. Вы полагаете, что у членов комиссии генная память здорова и имеет иммунитет против доносов?

— Я на это надеюсь.

— За рубежом, в частности в Прибалтике и на Украине, ныне появляются публикации, например о Второй мировой войне, резко противоречащие исторической действительности. Каким образом деятельность комиссии может дезавуировать их?

— Буду говорить только о своем ведомстве. В архивах органов безопасности хранятся архивные материалы периода Великой Отечественной войны о преступной деятельности коллаборационистов, в том числе националистов, документально подтверждающие многочисленные факты участия литовских легионеров, латышских и эстонских эсэсовцев в массовом

уничтожении мирных граждан и советских военнопленных в 1941–1944 годах на территории стран Балтии. В их числе розыскные дела на нацистских преступников, докладные записки о совершенных гитлеровцами и их пособниками злодеяниях, акты судебно-медицинских экспертиз и другие документы. Есть документы оставшихся в живых свидетелей о преступлениях эсэсовских добровольческих формирований. В архивах ФСБ России имеется также комплекс архивных материалов НКВД-НКГБ СССР, органов контрразведки Смерш фронтов и армейских соединений о преступной деятельности украинских националистов. Необходимы дополнительные усилия для распространения уже опубликованной информации. Взвешенный подход к введению в научный оборот архивных материалов с учетом всех возможных форм их использования, в т. ч. через СМИ и интернет, позволит более уверенно чувствовать себя на международном информационном поле.

К этой проблематике примыкает тема «голодомора», также связанная с обвинениями в адрес России. Значительные комплексы рассекреченных документов из архивов органов безопасности, которые не только объективно раскрывают причины этого бедствия, но и свидетельствуют о том, что голодом были охвачены огромные регионы России и Казахстана, уже опубликованы, но весьма небольшими тиражами.

— Вы член Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий при Президенте России. «Голодомор» и в этом смысле в поле вашего внимания.

— Одним из направлений в работе вновь созданной комиссии при Президенте Российской Федерации может стать сотрудничество с Комиссией по реабилитации жертв политических репрессий. В частности, возможна подготовка трудов, в которых было бы объективно отражено участие в проведении репрессий местных властей бывших союзных республик, которые несли абсолютно ту же ответственность, что и российские. А нередко и большую, поскольку проявляли специфическое рвение — просили дать им возможность «увеличить лимиты на расстрелы», как это было в 1930-е годы на Украине, например.

— Как можно доказать умышленность вредоносного действия? Приведу пример: коллаборанты в Прибалтике были? Были. Сейчас там полагают, что коллаборационизм — это борьба за освобождение от советской оккупации. Тот факт, что боролись на стороне фашистов, тамошних политиков не смущает: это вопрос выбора союзника.

— Россия объявила себя правопреемником СССР и стала удобным объектом для обид. Ведь у каждого из народов бывшего Союза свой XX век. Национальная память по-своему осмысляет общий опыт. Представление о собственном народе как жертве,

прошлые взаимные обиды могут долго отравлять отношения между народами. Нельзя отрицать, что есть «чужая» национальная память, вот у прибалтов она такая.

Когда спор об истории принимает форму «конфликта памяти», есть только один путь — диалог, обмен мнениями. Это возможно при единственном и обязательном условии — ответственном и уважительном отношении друг к другу. Приведу один пример. Не скрою, нам было очень сложно работать с польскими коллегами в процессе подготовки ряда научных проектов по болезненным проблемам советско-польских отношений. Но взаимное уважение и готовность выслушать и постараться понять чужую точку зрения, какой бы «неправильной» она ни казалась вначале, позволили решить поставленные задачи. Совместная работа над сборниками «Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии 1939–1941гг.», «Депортации польских граждан из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1940 году» и «Варшавское восстание 1944 в документах из архивов спецслужб» обогатила наши представления о собственной истории, расширила и углубила знания о сложности и противоречивости межгосударственных отношений.

Думаю, ожесточенное противостояние крайне непродуктивно. Сегодня споры на исторические темы ведутся не относительно фактов, а относительно интерпретации этих фактов. Ответственное отношение к оценке исторических событий не допускает их фальсификации и свидетельствует о гражданской зрелости общества.

Что касается упомянутых вами фактов, то им нужно давать оценку, адекватную нормам международного права.

— Разумеется. Но эта оценка — дело внешнеполитическое. Идея создания комиссии, насколько известно, первоначально исходила из МИДа. Мы пришли к тому, с чего начинали: речь идет о политическом противостоянии и реагировании на политические демарши. Может, стоит оставить историков в покое и вывести проблему в политическое русло?

— Ни для кого не секрет, что создание комиссии во многом было спровоцировано политическими акциями на постсоветском пространстве. И, конечно, в ее работе будут в первую очередь учитываться политические интересы нашей страны. Политикам нужны четкие документальные аргументы для разговора с соседями. В некоторых государствах постсоветского пространства политика начинает довлеть над историей или же историю используют как инструмент политики. Примеры приводить, я думаю, даже не стоит — мы с вами наблюдаем их ежедневно.

— Комиссия, как явствует из ее названия, должна заниматься противодействием попыткам фаль-

сификации в ущерб интересам России, а попытки фальсификации, идущие на пользу интересам России, не будут в поле ее зрения? Ведь есть много желающих «подправить» наше прошлое.

— Никакая фальсификация не может быть на пользу интересам России. Ложь не может повысить международный авторитет или улучшить внутреннюю ситуацию. Это, как говорится, мы уже проходили. Но вы затронули важную тему: что такое интересы России? В комиссии большинство членов — это руководящие сотрудники различных, в том числе силовых министерств и ведомств. И они будут отстаивать именно государственные интересы. Это действительно непростой вопрос. Политические партии и люди по-разному оценивают, что было пользой для страны и государства.

— У Оруэлла в одном из его фантастических романов было министерство Правды, и действовало оно по характерному принципу: кто управляет прошлым, тот управляет будущим. Вы верите в наличие одной, «утвержденной», единственно правильной точки зрения на то или иное историческое событие?

— В наше время такое никому и в голову не придет. Мы уже знали времена, когда существовал один утвержденный курс, краткий или не очень. Но ведь есть события и факты, которые неоспоримы, и опровергнуть их невозможно. Например, победа СССР в Великой Отечественной войне. И если мы говорим о победе, то наш долг выяснить, какой ценой, сколькими человеческими жизнями она добыта. Сейчас любое число подвергается сомнению — 20 млн, 27, 35, 50. Недопустимо взять и «утвердить» какое-то одно. Требуется кропотливая работа архивистов, военных историков и поисковых отрядов. Причем не только российских, но и зарубежных. Мы, например, активно сотрудничаем с немецким исследовательским центром «Саксонские мемориалы» по установлению имен советских военнопленных. Сотни тысяч из них до сих пор считаются пропавшими без вести. Я убежден, что нам еще предстоит большая работа по установлению количества погибших. Увы, государство уделяет недостаточно внимания массовым захоронениям, воинским кладбищам, которых у нас тысячи. В советское время больше говорили о пафосных и героических аспектах, то есть говорили полуправду. Это недостойно сильного цивилизованного государства.

— Согласна. Но скажите, что такое «пересмотр»? Ведь появляются новые документы, существенно дополняющие или даже меняющие представления об уже, казалось бы, известных исторических событиях. Например, вы написали интереснейшую книгу «Сталинград. Органы НКВД накануне и в дни сражения» с такими документами, что выдержки из них, процитированные мною в рецензии на нее,

не решилась опубликовать одна влиятельная столичная газета, посчитав их «непатриотичными». Или неделю назад вы опубликовали в нашей газете статью о партизанах и подпольщиках, которую кое-кто уже поспешил назвать искажением нашего героического прошлого.

— Нет документов «патриотических» и «непатриотических», а есть подлинные и фальсифицированные. Честный историк всегда будет искать новые и новые документы, но всегда найдутся люди, которые будут критиковать и даже обвинять его в неверной их трактовке. Это нормальная научная работа и нормальная научная дискуссия. Обвинения в «искажении героического прошлого» тоже понятны и объяснимы. Наше прошлое слишком долго было от нас закрыто. Но его нужно знать. Работа с массовым сознанием не сиюминутная вещь. И здесь нужно учитывать известный принцип «не навреди». Если в одночасье обрушить на человека или общество огромный поток абсолютно новой, зачастую психологически тяжелой информации, это вызовет отторжение. Что и произошло у нас двадцать лет назад. В первые постсоветские годы на миллионы политически неподготовленных людей обрушился такой поток. И возникло неприятие и противодействие, стремление противопоставить этому что-то позитивное. Со стереотипами невозможно бороться в ускоренном темпе и использовать при этом только негативные примеры. Нельзя просто сказать: все было плохо, если несколько поколений выросли в этом «плохо» и не видели, не знали ничего другого.

— У нас, прикрываясь недопустимостью пересмотра событий прошлого и необходимостью создания сильного государства, порой пытаются навязать обществу точку зрения на события тоталитарного периода советской истории. И только изданием сборников, ориентированных на относительно узкий круг специалистов, здесь не обойтись. Выставки в музеях и в архивах — большая редкость, хотя они неизменно вызывают общественный интерес. Как и документальные фильмы.

— Определенность в оценке этой сложнейшей проблемы со стороны государства — и здесь мы возвращаемся к разговору о приоритетных государственных интересах, — по моему мнению, необходима. В России в отличие от многих других стран СНГ, до сих пор нет общенациональной Книги памяти и общероссийского музея, посвященного трагедии сталинизма, ГУЛАГу. Эту задачу пока не удалось решить Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий. Думаю, что во взаимодействии с вновь созданной комиссией на эту проблему можно будет посмотреть шире.

История политических репрессий — одна из важнейших проблем нашей национальной памяти. Для осознания обществом сущности сталинизма,

для воспитания подрастающего поколения трудно переоценить значение факта создания мемориальных комплексов в Москве (на Донском кладбище, Бутовском полигоне, «Коммунарке»), мемориалов в других городах по всей стране. Огромную роль в увековечении памяти пострадавших от политических репрессий играют Русская православная церковь, общественные организации.

Вы верно отметили важность выставок и документальных фильмов по исторической тематике, которые вызывают живейший отклик в обществе. Упомяну в качестве примера открывшуюся в Выставочном зале федеральных архивов историко-документальную выставку «Идеология и практика украинского национализма. ОУН и УПА в 1939–1956 гг.: свидетельства документов». Но, к большому сожалению, выставка будет работать очень недолго.

— Положение о работе комиссии гласит, что основными ее задачами являются «обобщение и анализ информации о фальсификации исторических фактов и событий, направленной на умаление международного престижа Российской Федерации... выработка стратегии противодействия попыткам фальсификации исторических фактов и событий, предпринимаемым в целях нанесения ущерба интересам России, выработка рекомендаций по адекватному реагированию на попытки фальсификации исторических фактов и событий в ущерб интересам России и по нейтрализации их возможных негативных последствий». Что такое «адекватное реагирование»?

— Все зависит от конкретной ситуации. Главное — не стрелять из пушек по воробьям. Я думаю, публикация подлинных документов — самый важный и эффективный способ. Только документом можно дезавуировать ложь. И не для того даже, чтобы переубедить автора, а для того, чтобы у людей, которых сознательно вводят в заблуждение, сформировалось максимально объективное представление о предмете или явлении. А иногда самая адекватная мера — промолчать. Когда слишком много шума, негативный эффект только усиливается. Грамотно выдержанная пауза способна охладить ситуацию. Но это частности. Одним из главных способов реагирования может стать организация брифингов, «круглых столов», документальных выставок, научных конференций. Публикация документов и полноценная научная дискуссия с привлечением самого широкого круга участников помогут установить истину и противостоять попыткам фальсификации. Сам факт создания комиссии, вызвавший активное обсуждение, то внимание, которое уделено обществом вопросам изучения истории, уже стали своего рода «адекватным реагированием».

— Серьезные издания, имеющие научный аппарат, содержащие новые документы, увы, издаются,

тиражами в несколько сот экземпляров. И, таким образом, остаются недоступными для исследователей. Архивы не спешат, и это подтвердят вам многие историки, публиковать свои документы. Ваш в этом смысле редкое исключение. Частные издательства в значительной мере ориентированы на броские псевдоисторические опусы с «сенсациями». И это их право. Государство в этом отношении индифферентно. Как в таких условиях способствовать распространению подлинного исторического знания?

— Вы затронули очень серьезную проблему. Я думаю, государство могло бы активнее поддерживать издательские проекты, ориентированные на серьезное изучение истории. Необходимо стимулировать квалифицированную публикаторскую деятельность. Вы правильно заметили, научные книги практически никогда не становятся прибыльными, и издательства, в том числе и государственные, не слишком стремятся их выпускать. Но, несмотря на это, крупнейшие государственные и ведомственные архивы за последние годы издали сотни книг.

Если мы хотим противостоять фальсификациям, мы должны знать факты, но есть еще одна проблема: профессиональные научные исследования и проекты требуют затрат — нужно работать в архивах и музеях в разных городах и даже странах, нужно время на написание книг, наконец. А у нас получается, что многие способные исследователи, особенно вне Москвы и Петербурга, вообще лишены такой возможности. Именно в этом задача государства — создать условия для развития науки: широким и быстрым рассекретиванием массивов исторических материалов, облегчением доступа к исторической документации, субсидированием исторических исследований, но без вмешательства в их содержание.

Государство должно стимулировать научные разработки, а не диктовать свою волю: «Это можно, а это нельзя». Создание Комиссии по противодействию фальсификациям истории способно «перезагрузить»

ситуацию. Нельзя политически управлять историей. Это, на мой взгляд, вредит интересам России.

— Насколько известно, члены комиссии получили задание подготовить предложения по ее работе и, как указано в положении о ее создании, по выработке стратегии по противодействию фальсификациям. Что бы предложили вы?

— Мы с вами уже говорили, что, как правило, подготовленные совместно крупнейшими архивами страны сборники документов, которые зачастую не только дополняют, но и кардинально меняют представление о важнейших проблемах отечественной истории, выходят удручающе малыми тиражами. К числу таких изданий относятся фундаментальные исследования: «Совершенно секретно. Лубянка — Сталину о положении в стране. 1922–1934 гг.», «История сталинского Гулага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов» в семи томах, «Трагедия советской деревни» в пяти томах и др. Малотиражность этих изданий обусловила то, что результаты исследований, дающих объективную картину истории страны, остаются неизвестными. Вот и рождаются мифы и даже фальсификации. И не надо ждать, пока нам «подготовят» какую-либо фальсификацию, чтобы потом ее нужно было дезавуировать. Просто необходимо создать условия для того, чтобы нормально работать над изучением и осознанием истории.

— Вы, как архивист, верите в историю без белых пятен?

— Это цель, к которой нужно стремиться. Но нельзя говорить, что какой-либо исторический период или событие исследовано до конца. История многообразна и бесконечна.

*Беседовала Юлия КАНТОР,
доктор исторических наук*

Опубликовано: «Время новостей», №118, 07.07.2009